

УДК 394
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧУВАШЕЙ*

Ключевые слова: идентичность, самооценка, история, народ, этноним, этногенез.

В статье рассматриваются некоторые вопросы самосохранения народа в пространственно-временных координатах истории. Уделяется внимание тем значительным вехам, когда народу и его предводителям и руководителям приходилось принимать судьбоносные решения. Автор исходит из положений, что понятия «историческая идентичность» и «этническая идентичность» находятся в тесной связи с терминами «этничность» и «этническое самосознание». По мнению автора, этническая идентичность предполагает связь своего «Я» и «Мы» со своей историей, традициями и языком. В статье предпринят краткий анализ с целью выяснения связей между историей народа и его идентичностью. Подчеркивается, что человеку свойственно желание знать историю своей семьи, малой родины, своего народа, ему интересны особенности того народа, частью которого он себя считает. Он хочет получить ответ на вопросы: кто были историческими соседями, какие произошли трансформации за последние 20 веков в истории его предков, кем они были исконно, поддаются ли реконструкции все эти компоненты. Например, в статье указывается на несовместимость этнонима «булгар» с этнонимом «савары – сапирь – савирь – суварь – суваш – чуваш» с этимологической точки зрения. К тому же ни булгары, ни савирь никогда не обитали в азиатской части Евразии. Первое упоминание саваров зафиксировал Клавдий Птолемей на Кавказе во II в. По меньшей мере идентифицировать чувашей как исторических наследников булгар у нас нет ни фактов, ни других оснований историко-филологического плана. В работе высоко оценены историческая роль и «женская сила» савирской правительницы Боа(рикс), а также подсчитана численность савирского племени по состоянию на VI в. Савирь были исключительно грамотными в техническом отношении при осаде и разрушении крепостей. Их таранные орудия пользовались популярностью как у персов, так и у византийцев. Новизна исследования заключается в сжатом, но системном анализе исторической идентичности чувашей с древности по сегодняшний день.

«Этнографическая идентичность...
вытекает из одинаковости природных условий,
хозяйства, социального и культурного развития»
[5. С. 159].

Этноним и история. Важно учесть, что самосознание и неразрывно связанное с ним самоназвание являются решающими демаркаторами этноса [1. С. 9]. Другими словами, этноним является основным идентификатором народа. Если такое название (в данном случае – *чăваш/чуваш*) существует и оно признается как самим народом, так и всеми соседями, значит, существует такая этническая общность.

Этноним *чуваш* прошел трансформацию в виде *савир* (*сапир, савар, сабир*) → *сувар* (*сувас, суван*) → *суваш* (*сăваш*) → *чăваш* (*t'šăvaš*) [11, 19]. Вопреки распространенному мнению, что этноним не может быть самостоятельным источником в исследованиях по этногенезу, он вбирает действительную историю, а также отражает хронологическую последовательность важнейших событий.

* Исследование выполнено по плану НИР Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

Конечно, в дискуссиях по происхождению и значению этнонима *савиры* и в определении его идентичности по отношению к какому-либо конкретному народу имеются разногласия. Например, исследователи одновременно относят его к поволжским суварам и восточнославянским северянам. При этом северяны одни локализируют на Левобережье Днепра, другие идентифицируют их как носителей именьковской археологической культуры [9. С. 50–51], т.е. как обитателей Среднего Поволжья.

Свое мнение об этимологии названия «чуваш» (*Tschuwasch*) оставил и Август Альквист. При этом он исходил из этимологий *мордва* и *удмурт*, где *mort* или *murt* значит «человек», *wa* – «вода». Поэтому в слове чуваш он видел составные *шу* (*šu*) «вода» + словообразовательное окончание *-аш* (*-aš*). Кроме того, перед вокальным окончанием вставляется *в* (*w*). «Исходя из этого, название *чуваш* (*Čuwaš*) означает “житель на воде или реке” (водные люди, речные люди)... Единственной трудностью при этом является переход от *ç* (*š*) к *ч* (*č*). Но такие и еще большие изменения часто встречаются в названиях народов» [14. С. 159–160].

Если две предыдущие этимологии можно принять как примеры идентичности и частных предположений, то в литературе встречаются и априорные объяснения. Из множества таких несвязных толкований приведу лишь одно. Так, Т.Н. Евграфова согласна с тем, что «этноним *чъваш* восходит к названию сувар/суваз» [8. С. 60]. Но далее она называет исходной родиной чувашей Центральную Азию, а древнейшими предками чувашей считает болгар и суваров. Казалось бы, все верно. Тем более, что таких взглядов большинство. Но в Центральной Азии не были зафиксированы *сувары/сувазы*. Кроме того, чувашаи не могут быть одновременно субстратными наследниками и суваров, и болгар. Как бы близки ни были их история, генетические показатели и язык, сувары и болгары – два разных этноса.

Из истории чувашей. Савиров первым зафиксировал Птолемей. Согласно его описанию, в 20-х гг. II в. это племя обитало на Кавказе южнее местоположения аорсов и пагиритов [18. С. 171]. Начиная с V в. сабиров/савиров (*Σάβειροι*) историки активно фиксировали как участников персидско-византийских столкновений [16. С. 158; 17. С. 74, 292, 294]. Новейшие исследования не оставляют сомнений в том, что савары идентифицируются с поволжскими суварам.

С 453 г., после смерти предводителя гуннов Аттилы, образуется конфедерация, возглавляемая савирами. Туда же входили оставшиеся в Восточной Европе гунны и основная часть болгар. По состоянию на вторую половину V в. савиры обитали вдоль Каспийского моря в районе р. Кума.

Осенью 503 г. гунно-савиры предпринимают несколько походов на южные регионы Кавказа, оказавшиеся подконтрольными персам. Так, пройдя Дербентские ворота, они пересекают Албанию, доходят до Евфрата, а в 515–517 гг. приходят в Закавказье и разоряют византийские владения в Армении, Каппадокии и Месопотамии [3. С. 421].

В литературе, в том числе и в публикациях автора этих строк, анализировались исторические факты, показывающие количественную и военную мощь савирского племени.

Особую роль в истории савиров сыграла Боарикс, правившая после смерти мужа Валаха. В ее ведении находилось 100 000 воинов, говорится в источниках. В целях объединения разрозненных сил ей в 527–528 гг. при-

шлось временно стать союзницей Юстиниана и уничтожить командиров двух савирских же отрядов, перешедших на сторону персидского царя Кавада. Болгарский историк Цветелин Степанов высоко оценивает Боарикс. Ее «женская сила» трансформировалась в реальную силу, пишет он [20. С. 88].

Общая численность савиров (воины, их жены, родители и дети), по подсчетам историков, в VI в. могла составлять 1 000 000 человек. Все эти факты позволяют констатировать, что савирские племена в то время были основной силой на Кавказе и идентифицировали себя как многочисленная, самостоятельная и реальная военная мощь. Поэтому было выгодно иметь их в союзниках как византийцам, так и персам. Савиров источники идентифицируют как великолепных мастеров по изготовлению и применению легких таранов для разрушения обороняющихся крепостей. Так, их умение оказалось к месту при взятии подконтрольной византийцам Петры. С исторической точки зрения, наследники савиров (т.е. чуваши) могут говорить о своей принадлежности к кавказской идентичности [11].

В 895 г. в южнорусских степях активизируются агрессивные печенеги. Из-за этого происходит миграция населения салтово-маяцкой археологической культуры. В 896 г. венгры вынуждены покинуть насиженные места и уйти в Карпаты [21. С. 157–159]. Почти одновременно с мадьярами сувары берут курс на север. Желая сохранить свое этническое лицо, они двигаются вдоль Волги, а в самом конце IX в. оказываются у южных земель Булгарии.

Следует заметить, что савиры в своей истории не имели поражений в боевых действиях. В самых сложных ситуациях они или избегали конфликтов, или меняли место обитания. Иначе говоря, сохранение численности населения и своей идентичности всегда были их высшей ценностью.

Наиболее трагичными для суваров и болгар оказались конец XIV – первая треть XV в. Монголо-татарские войска во главе с Едигеем и его преемниками в теплые месяцы года подходили к южным окраинам Волжской Булгарии и систематически разоряли и уничтожали их. По подсчетам историка В.Д. Дмитриева, не стало 32 городов и около 2000 населенных пунктов. Жители южных районов переселялись в северные районы. Произошел невиданный геноцид. Так образовалось Дикое поле. К тому же в 1366 г. в Булгарском улусе, как и во всей Орде, разразился голод из-за бесснежных морозных зим и летних засух. Затем случился мор. В одной и той же могиле хоронили по 5–20 человек. За три века население Волжской Булгарии сократилось на 75%. В том числе не стало светской и духовной элиты [7. С. 124, 142]. Это все вместе сильно ударило по идентичности всего населения Волжской Булгарии.

Из современной истории. В XXI в. об истории народа и его идентичности издается литература в большом количестве. Особенно усилились старания краеведов, журналистов и других любителей старины, тиражи таких изданий вызывают зависть. Основным опорным материалом для них являются научные и околонучные публикации научных и вузовских работников. «Мало ли что издается», – могут возразить мне. Однако считаю, что значение этих книг в науке весьма сомнительно. Назову первые попавшиеся: Абайдаров Акпарс. Авалхи чăваш патшалăхĕсем (Древние чувашские государства). Чебоксары, 1994. 152 с.; Александров (Садур) Василий. Волжские булгары и чувашы: Гипотезы, исследования, теории. Чебоксары, 2016. 240 с.; Семенов А.С. Тайны старины глубокой: Записки любителя-этимолога. Чебоксары. 2005. 100 с. «Скромный и трудолюбивый инженер, краевед», – это про Васи-

лия Александрова. Впрочем, книга данного автора более чем выдержанная по содержанию по сравнению с другими. Например, его тезис – «Если же они и принимали ислам: то в дальнейшем окончательно теряли свои языковые и этнические особенности» – в принципе верный. В своей работе он разбирает топонимы, ойконимы, этнонимы, антропонимы, этимологии. Подробно останавливается на истории гуннов. Затем строит какие-то домыслы типа: «Итак, “Сибирь” означает первый запад от хуннов (т.е. от Алтая) до Уральских гор. Об этом можно найти в трудах Н.Я. Бичурина. Он пишет, что территория до Урала называлась “первый запад”. А потом это название перешло на весь регион. В чувашском языке “Сибирь” пишется “Џёпёр”... И здесь “пёр” – первый, а “Си” и “Џё” схожи по звучанию, вероятно, и по значению. В современном чувашском языке нет самостоятельного слова “Џё”». Потом идет пространное изложение истории древних тюрков и ее связи с историей Китая. Но все это никак не относится к истории предков чувашей. Как верно замечает В.А. Шнирельман, такие «этноцентристские мифы всегда грозят расколоть полиэтничное общество, если оно не выработало никакого объединительного мифа» [13. С. 13]. Самое обидное то, что профессиональные исследователи почти ничего не делают для исправления ситуации в освещении этногенеза чувашского народа. Более того, и в их изысканиях не прослеживается фундаментальный подход. Одни называют исходной родиной предков чувашей Центральную Азию, другие – южный Кавказ, третьи – Месопотамию и Индию. Чувашей называли финнами, тюрками, зороастрийцами, суварями, булгарами и даже булгарами-суварями. Кроме печатной продукции создаются квази-скульптуры, квазифильмы и квазироманы. Главное в них – задеть душу и психику народа. Авторы всех этих «шедевров» ищут и находят «героическое прошлое народа»: чем славнее их предки, тем лучше. Не имеет значения, что ими могут быть шумеры, хунны-гунны, древние тюрки, кыпчаки, персы, яфетиды... С ростом этнического самосознания и желания знать свое историческое прошлое в XXI в. возрастает и желание получить ответ на вопрос «Кто я есть?» Создается такое впечатление, будто профессионалы следуют за любителями. В такой обстановке нет никаких шансов выявить историческую и этническую идентичность чувашей.

Тем временем исследования исторической идентичности чувашей можно считать изобретениями исторического времени и пространства. Свое мнение на этот счет я уже излагал: «Если исходить из взглядов авторов публикаций, то материнскими лонами исторических предков чувашей являются соответственно Сибирь, Индия и Месопотамия. К первому направлению относим работы Н.И. Ашмарина, В.Ф. Каховского, С.Р. Малютина, Н.И. Егорова, В.П. Иванова. Хронологический диапазон обсуждаемых материалов – с древнейших времен до начала новой эры. Второе направление представлено фрагментарными высказываниями искусствоведа А.А. Трофимова, ссылающегося на труды Мегасфена, Арриана, Плиния Старшего, охватывает период с древнейших времен и завершается описанием ирано-индийских походов Александра Македонского. Третье направление (назовем его условно шумерским) представлено публикациями Н.Я. Марра, А.А. Трофимова, Г.П. Егорова и Д.Ф. Мадурова. Что касается книг, изданных В.В. Николаевым, то в них размыты все три направления. Таким образом, в предлагаемых гипотезах имеются хронологические провалы, так как они не в состоянии довести свои доводы к началу новой эры. Теоретически все три предположения должны быть доведены до логического конца:

доказаны или отвергнуты» [10. С. 13]. Несмотря на разнонаправленность и квазинаучность взглядов большинства перечисленных авторов, «в целом, чувашская история была придумана и представлена чувашской интеллигенцией как эффективный инструмент укрепления и развития национальной идентичности» [15. С. 137]. По мнению М.В. Кирчанова, если Г.И. Комиссаров и В.Ф. Смолин «писали историю Чувашии как национальную чувашскую историю», то у И.Д. Кузнецова и В.Д. Дмитриева «сложилась глубоко пророссийские формы истории». Следует признать, что во многих случаях чувашские историки ориентировались на взгляды ведущих российских исследователей, которые не вникали в детали и нюансы древней истории чувашского народа.

Как показывают исследования по идентичности в широком смысле, споры, дискуссии и заглядывание как в историческое прошлое, так и в будущее никогда не будут иметь конца. Допустим, что люди, сообщества и страны сумели договориться о демократических ценностях и как бы пришли к согласию. Однако нерешенные проблемы остаются.

Как показывают исследования социологов, самооценка и самоидентичность основываются и на таких стратах, как уровень благосостояния и разница текущих доходов [12. С. 8, 11].

Видимо, эти и другие жизненно важные проблемы обретут новый виток, а история будет продолжена, хотя на другом уровне. «Конец и начало истории» проявляется и на уровне субъекта Российской Федерации. Так, в ходе всенародных выборов в 1993 г. был избран первый президент Чувашской Республики. Им стал юрист Н.В. Фёдоров. Как считает сам Николай Васильевич, он многое сделал для укрепления демократического устройства, экономики и культуры республики. Казалось, что достигнуто равновесие в этом субъекте РФ, а народ и республика как бы пришли в состояние благосостояния. Н.В. Фёдоров принимал подарки в виде национальной одежды, но никогда не надевал. Редко говорил по-чувашски. Население республики, где подавляющее большинство (почти 68%) составляют чуваша, называл «народ Чувашии». В 2010 г. его сменил министр сельского хозяйства М.В. Игнатьев. Михаил Васильевич на праздники надевал одежду с чувашской вышивкой, часто говорил на чувашском. А покинув пост, в своем фейсбуке написал строки из стихотворения народного поэта Чувашии П.П. Хузангая: *Эпир пулнӑ, пур, пулатпӑр!* «Были мы, и есть, и будем!» Каждый из двух руководителей республики вписал свою историю, свое понимание. Каждый из них считал, что именно он идентичен народу, республике и исторической правде. В 2020 г. республику возглавил депутат Госдумы О.А. Николаев. У него также имеется своя версия истории народа, идентичная общероссийской и с рядом специфик. История продолжается на новом витке. Меняются ценности, меняются люди, пишутся новые страницы истории республики. Так конец одной истории порождает начало новой истории, ибо «каждая этноистория – бесконечная череда перерождений, каждое поколение заново воссоздает свою этничность, и всякий раз в чем-то по-новому... Дрейф этничности напоминает скорее цепь ситуативных реакций, чем линейную эволюцию. Этничность сродни иммунной системе, которая активизируется при кризисах и вирусах, а в здоровом теле не приметна, будто дремлет» [6. С. 46].

Более того, в процессе движений в области социальной истории могут появиться новые народы. Как известно, в XVIII в. действия властей по обустройству региона привели к тому, что в Уфимской провинции обосновались

казаки, состоящие в основном из крещеных татар. Их административным центром стала Нагайбакская крепость. От названия крепости новое сообщество получило этническое название нагайбаки. Наряду с татарами в него вошли также местные чувашы, марийцы и удмурты. «Вступление в 1736 г. этих групп в казацье сословие и положило начало собственно нагайбакской истории» [2. С. 134]. Говоря о «сложении» нового народа, С.Ю. Белоруссова отмечает, что «мы имеем исторические свидетельства, которые переводят этноисторию в русло конструктивизма, поскольку открывают реальную ситуацию и действующих лиц этого “сложения”» [4. С. 104]. Уход в православие или ислам, а также прямое вливание в образование новой народности приводят к потере своей идентичности. На самом деле это уже не только отказ от своей идентичности, но и конец своей истории.

Автор статьи надеется, что исследование позволило презентовать самую сжатую историю идентичности чувашского народа. Удалось обозначить основные вехи сложной и многогранной судьбы чувашей длиной в два тысячелетия во временном и от Кавказа до Волги в пространственном отношении. Некоторые положения автора могут показаться дискуссионными. Тем не менее они опираются на богатый опыт предшественников и на собственные монографические исследования. Можно предположить, что изложенные тезисы найдут отклик и продолжение в последующих публикациях коллег – этнографов, историков, генетиков, антропологов, религиоведов, языковедов, филологов и фольклористов. А это уже – научный диалог.

Литература

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 250 с.
2. Атнагулов И.Р. Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования // Уральский исторический вестник. 2015. № 2. С. 133–143.
3. Ахмадов Я.З. Нахоязычные народы Кавказа в источниках раннесредневекового времени (конец IV–VI вв.) // История находов Передней Азии, Кавказа и Чечни. М.: Литера, 2019. С. 378–426.
4. Белоруссова С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 424 с.
5. Бесолова Е.Б. О «Словаре лексических общностей этнокультурного ареала Анатолия – Кавказ – Иран» // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2019. № 33. С. 146–167.
6. Головнёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 46–55.
7. Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.
8. Евграфова Т.Н. К вопросу об этнокультурной идентификации чувашского народа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2. С. 59–65.
9. Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье по письменным и археологическим данным // Исторический формат. 2019. № 1. С. 41–59.
10. Салмин А.К. История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.
11. Салмин А.К. Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.
12. Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России: Социология. Этнология. 2020. № 1. С. 6–30.
13. Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.
14. Ahlquist Aug. Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlquist an Herrn A. Schiefner (Lu le 22 août 1856). Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, 1857. XIV. S. 145-160.
15. Kyrchanoff M.W. Imaging Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2017. № 4(2). С. 134–155.
16. Prisci Historica. Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio V. G. Niebuhrii C.F.P. I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori,

Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829, pp. 156–229.

17. *Procopii Caesariensis. Opera omnia.* Recognovit Jaecobus Haury. Vol. I: De bellis libri I-IV. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1905. LXIV, 552 p.

18. *Ptolemaei Claudii. Geographia.* T. I. Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. XXIV, 284 p.

19. *Salmin A. Savirs – Bulgars – Chuvash.* Ed. Peter Golden. Saarbrücken, 2014. 147 p.

20. *Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others.* Leiden; Boston: Brill, 2010. XIII, 154 p., ill.

21. *Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies.* Bucureşti: Brăila, 2014. 399 p.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>).

Anton K. SALMIN

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC IDENTITY OF THE CHUVASH

Key words: *identity, self-esteem, history, people, ethnonym, ethnogenesis.*

The article deals with some issues of the ethnicity's self-preservation in the space-time coordinates of history. Attention is paid to those significant milestones when an ethnic group and its leaders had to make fateful decisions. The author assumes that the concepts of "historical identity" and "ethnic identity" are closely related to the terms "ethnicity" and "ethnic self-awareness". According to the author, ethnic identity implies the connection of one's "Ego" and "WE" with one's history, traditions and language. The article provides a brief analysis to clarify the connection between the history of an ethnic group and its identity. It is emphasized that a person is prone to know the history of his family, birthplace, his nationality, and he is interested in the features of the ethnic group of which he considers himself a part. He wants to get an answer to the questions: who were the historical neighbors, what transformations took place over the past 20 centuries in the history of his ancestors, who they were originally, whether all these components can be reconstructed. For example, the article points out incompatibility of the ethnonym "Bulgar" with the ethnonym "the Sabirs – the Sapirs – the Savirs – the Suvars – the Suvash – the Chuvash" from the etymological point of view. In addition, neither the Bulgars nor the Savirs ever lived in the Asian part of Eurasia. The Sabirs were first mentioned and recorded by Claudius Ptolemy in the Caucasus in the second century. At the very least, we have no facts or other historical and philological grounds to identify the Chuvash as the historical heirs of the Bulgars. The article highly evaluates the historical role and the "female power" of the Savir ruler Boa (rix), as well as calculates the number of the Savir tribe as of the VI century. The Savirs were extremely competent in technical terms when besieging and destroying fortresses. Their ramming tools were popular with both the Persians and the Byzantines. The novelty of the research consists in a concise but systematic analysis of the historical identity of the Chuvash people from ancient times to the present day.

References

1. Arutyunov S.A. *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeistviye* [Peoples and cultures: development and interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1989.
2. Atnagulov I.R. *Struktura nagaibakskikh identichnostei: istoriya i faktory formirovaniya* [Structure of Nagaibak's identities: history and factors of formation]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2015, no. 2, pp. 133–143.
3. Akhmadov Ya.Z. *Nakhoyazychnyye narody Kavkaza v istochnikakh rannesrednevekovogo vremeni (konets IV–VI vv.)* [Nakh-speaking peoples of Caucasus in the sources of the early-medieval time (the end of 4th – 6th centuries)]. In *Istoriya nakhov Perednei Azii, Kavkaza i Chechni* [History of the Nakh of Front Asia, the Caucasus and Chechnya]. Moscow, Litera Publ., 2019, pp. 378–426.
4. Belorussova S.Yu. *Nagiabaki: dinamika etnichnosti* [Nagaibaks: dynamics of identities]. St. Petersburg, 2019.
5. Besolova Ye.B. *O "Slovarе leksicheskikh obshchnostei etnokul'turnogo areala Anatoliya – Kavkaz – Iran"* [About "The Dictionary of Lexical Communities of the Ethnocultural Area of Anatolia-Kavkaz – Iran"]

Caucasus-Iran"]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy*, 2019, no. 33, pp. 146–167.

6. Golovnev A.V. Dreif etnichnosti [The drift of ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2009, no. 4, pp. 46–55.

7. Dimitriyev V.D. *Chuvashskii narod v sostave Kazanskogo khanstva: Predystoriya i istoriya* [The Chuvash people within Kazan khanate: prehistory and history]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2014.

8. Evgrafova T.N. K voprosu ob etnokul'turnoi identifikatsii chuvashskogo naroda [On ethnocultural identification of the Chuvash people]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2014, no. 2, pp. 59–65.

9. Zhykh M.I. *Ranniye slavyane v Srednem Povolzh'ye po pis'mennym i arkhologicheskim dannym* [Early Slavs in the Middle Volga according to written and archeologic data]. *Istoricheskii format*, 2019, no. 1, pp. 41–59.

10. Salmin A.K. *Istoriya chuvashskogo naroda: analiz osnovnykh versii* [History of the Chuvash people: analysis of key versions]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017.

11. Salmin A.K. *Saviry, bulgary i tyurko-mongoly v istorii chuvashei* [Savirs, Bulgars and Turko-Mongols in the history of the Chuvash]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019.

12. Tikhonova N.Ye. Osobennosti identichnosti i mirovozzreniya osnovnykh strat sovremennoogo rossiiskogo obshchestva [Peculiarities of identities and world view of the main strata of the modern Russian society]. *ir Rossii: Sotsiologhiya. Etnologhiya*, 2020, no. 1, pp. 6–30.

13. Shnirel'man V.A. Etnogenez i identichnost': natsionalisticheskiye mifologhii v sovremennoi Rossii [Ethnogenesis and identity: nationalistic mythologies in modern Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2003, no. 4, pp. 3–14.

14. Ahlquist Aug. Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlquist an Herrn A. Schiefner (Lu le 22 août 1856). In *Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. 1857. XIV, S. 145-160.

15. Kyrchanoff M.W. Imaging Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures In *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv*, 2017, no. 4(2), pp. 134–155.

16. Prisci Historica. Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829, pp. 156-229.

17. Procopii Caesariensis. Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. I: De bellis libri I-IV. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905.

18. Ptolemaei Claudii. Geographia. T. I. Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843.

19. Salmin A. Savirs – Bulgars – Chuvash. Ed. Peter Golden. Saarbrücken, 2014.

20. Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others. Leiden; Boston, Brill, 2010.

21. Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. Bucureşti, Brăila, 2014.

ANTON K. SALMIN – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg (antsalmin@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>).

Формат цитирования: *Салмин А.К. Историко-этнографическая идентичность чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 139–146. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-139-146.*